

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> УДК 930.2, 94(47).031, 94(55)
EDN: DNZHSK

БАСКАК, ДАРУГА, ШИХНЕ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ Ч. 1: ИНСТИТУТ ШИХНЕ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

И.А. Мустакимов ^{1,2} ✉, **Л.Ф. Абзалов** ^{2,3},
М.С. Гатин ^{2,3}, **Р.Ю. Почекаев** ⁴

¹ Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация

³ Самаркандский государственный университет имени Ш. Рашидова
Самарканд, Республика Узбекистан

⁴ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ itus2007@mail.ru

Резюме. Цель исследования: в статье исследуются институты баскака, даруги, шихне в тюрко-монгольских государствах эпохи Монгольской империи и ее преемников. Авторы предпринимают попытку доказать обоснованность отождествления этих должностей. Для этого они осуществляют анализ статуса этих чиновников на основе правовых памятников, иных официальных актов, материалов, летописей и исторических сочинений. Первая часть статьи посвящена анализу института шихне.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют исторические источники: ярлыки правителей, исторические сочинения, политические трактаты, а также результаты ранее проведенных исследований. Авторы используют структурно-функциональный подход, историко-правовой анализ, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы, институциональный подход, критический анализ источников и исследований.

Научная новизна заключается в том, что вопрос о соотношении терминов «баскак», «даруга» и их персидского аналога «шихне» рассматривается, в первую очередь, на основе анализа правовых актов о назначении соответствующих чиновников на должность. В статье впервые вводятся в русскоязычный научный оборот тексты трех ярлыков о назначении на должность шихне (баскака) из трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб», которые исследуются на междисциплинарном уровне.

© Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Результаты исследования: Авторы приходят к выводу, что шихне являлся чиновником, представлявшим интересы правителя (султана, хана, ильхана) в соответствующем регионе, обеспечивающим его стабильность и лояльность населения, в том числе силовыми и процессуальными средствами. Эта должность могла относиться к разным уровням административного управления – от крупных областей (вилайетов, улусов) до небольших селений. В продолжении статьи планируется соотнести выявленные элементы статуса шихне с полномочиями баскаков (даруг) и проследить эволюцию их статуса в тюрко-монгольских государствах.

Ключевые слова: баскак, даруга, шихне, тюрко-монгольские государства, Монгольская империя, Золотая Орда, монгольский Иран, империя Юань, ханские ярлыки, имперская администрация

Для цитирования: Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1: Институт шихне и его эволюция // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 523–542. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> EDN: DNZHSK

Финансирование: Статья подготовлена и опубликована при финансовом содействии Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках».

BASQAQ, DARUGA, SHIHNE: THE PROBLEM OF CORRELATION. PT. 1: THE INSTITUTION OF SHIHNE AND ITS EVOLUTION

I.A. Mustakimov^{1,2} ✉, *L.F. Abzalov*^{2,3}, *M.S. Gatin*^{2,3}, *R.Yu. Pochekaev*⁴

¹ *Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan*

² *Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation*

³ *Samarkand State University named after Sh. Rashidov
Samarkand, Uzbekistan*

⁴ *HSE University
St. Petersburg, Russian Federation
✉ imus2007@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To characterize the legal status of a basqaq, daruga and shihne in the Turkic-Mongol states during the epoch of the Mongol Empire and its uluses, as well as to prove of the authentication of these offices. Authors intend to clarify the basic rights and obligations of these officers and their position in the administrative structure on a base of legal monuments, official acts, chronicles, and historical works. The first part of the article is an analysis of shihne institution.

Materials and methods of research: The basic materials are historical sources including decrees of rulers, historical chronicles and political treatises as well as results of previous researches. Authors use structure functional analysis historical legal method, comparative historical and comparative legal approach, institutional analysis, critical analysis of sources and researches.

Scientific novelty: It is the first attempt at research of problem of correlation of the terms “basqaq” and “daruga” and as well as their Persian analogue “shihne” on a base of legal acts on the appointment for these office. Also, it is the first Russian translation of three

yarlyks on the appointment of shihne from the “Dastur al-katib fi ta‘yin al-maratib” by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, which are studied using an interdisciplinary approach.

Results of the research: The authors find that shihne was a special officer who represented the interests of the ruler (sultan, khan, ilkhan) in the certain region. His functions included providing stability for the region while ensuring the loyalty of its population using different ways including forced and procedural methods. This office could function at the different levels of administrations – from the region (vilayet, ulus) to smaller settlements. The second, forthcoming part of the article will be devoted to the comparative analysis of the status of shihne with that of basqaq and daruga and the evolution of these offices in the Turkic-Mongol states.

Keywords: basqaq, daruga, shihne, Turkic-Mongol states, Mongol Empire, Mongol Iran, Golden Horde, Yuan Empire, khans’ yarlyks, imperial administration

For citation: Mustakimov I.A., Abzalov L.F., Gatin M.S., Pochekaev R.Yu. Basqaq, daruga, shihne: the problem of correlation. Pt. 1: The institution of shihne and its evolution. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 523–542. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.523-542> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out with the support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of program-targeted funding (project IRN BR24992878 “Study of ethno-political and socio-economic history of Ulus Jochi in 13th–15th centuries”).

Термины «даруга» и «баскак» давно известны в истории Золотой Орды и русско-татарских отношений, а также неоднократно упоминаются и в истории других чингизидских улусов. И, пожалуй, не менее давним является спор о соотношении этих понятий. Как минимум, с середины XIX в. в историографии поднимается вопрос о том, обозначали ли они одну и ту же должность или разные. При этом сторонники обеих версий, по сути, опираясь на один и тот же комплекс источников, предлагали собственную их интерпретацию, стараясь убедить оппонентов в своей правоте.

Решение этой проблемы представляется возможным, как ни странно, на основе анализа еще одного термина, который, по мнению авторов, означает ту же должность что и два вышеупомянутых. Речь идет о термине «шихне» (شحنة), который широко использовался в монгольском Иране, а также, возможно, употреблялся и в других чингизидских государствах. Наше обращение к анализу статуса шихне объясняется тем, что авторитетные исследователи истории чингизидских государств XIII–XIV вв., в т.ч. и системы их власти и управления, однозначно полагают, что термин «шихне» являлся персидским эквивалентом монгольского термина «даруга» [см., напр.: 14, с. 88; 23, р. 12]¹ и, как мы намерены показать в дальнейшем, это в полной мере относится и к термину «баскак».

В отличие от предыдущих исследователей, которые в своих версиях о соотношении терминов «даруга» и «баскак» опираются преимущественно на краткие сообщения нарративных источников и, в отдельных случаях, на упоминания об этих чиновниках в тарханных ярлыках, авторы настоящей статьи

¹ Любопытно, что П. Джексон, полагающий, что баскак и даруга были разными должностями, при этом отождествляет должности баскака и шихне [27, р. 108].

намерены проанализировать документы (ярлыков персидских ильханов) о назначении на должность шихне. Соответственно, в них детально отражен статус этих чиновников, их права и обязанности, которые вряд ли могли быть четко реконструированы на основе отдельных упоминаний о них в сообщениях летописей и хроник.

В статье впервые публикуется русский перевод трех ярлыков о назначении шихне из персоязычного трактата «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного около 1366 г. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, служившим при дворе последних ильханов из рода Хулагуидов и их преемников Джалаи-ров². Перевод сопровождается комплексным анализом, который позволит сформировать представление о том, что представлял собой институт шихне и, как надеются авторы, позволит внести существенный вклад в решение проблемы соотношения терминов «даруга» и «баскак».

Институт шихне в мусульманских государствах домонгольского периода. Первые упоминания должности шихне исследователи относят к первой половине X в.: такой чиновник фигурирует, в частности, в сочинении арабского автора Хилала ас-Саби «Установления и обычаи двора халифов» при описании правления халифа ал-Муктадира (908–932) [см.: 11, с. 127–128]. Однако широкое распространение эта должность получает в эпоху владычества тюрок-сельджуков, хотя сам термин этимологически имеет персидское (или, по некоторым предположениям, арабское) происхождение [17, с. 71].

С помощью института шихне Великие Сельджуки постарались решить проблему замены могущественной региональной родовой знати собственными лояльными наместниками из числа служилой аристократии³. Соответственно, шихне изначально являлись военными чиновниками, которые контролировали те или иные регионы, следили за порядком, боролись с преступностью, а также, вполне вероятно, осуществляли и административное управление в целом (включая и пресловутый контроль за сбором налогов).

Наиболее ярко статус шихне сельджукской эпохи выражается в сборнике документов «Атабат ал-катаба», составленный Мунтаджабом ад-Дином ал-Джувайни [12]. Из 39 образцов документов этого сборника 4 напрямую связаны с назначением представителей военного командования на должность шихне. Во всех образцах на этот пост претендуют сипахсалары (amīr-i isfahsalār) тюркского происхождения [9, с. 87; 26, s. 94]. В соответствии с нормами рассматриваемой эпохи эта должность могла передаваться по наследству [12, с. 106–107].

Важно отметить, что шихне, мог быть уполномоченным представителем центральной власти, призванным обеспечивать интересы государства в целом. Назначение шихне означало подчинение данного региона султану [11, с. 140]. Очевидно, подобные назначенцы были представлены не во всех областях государства, а только там, где было значимо присутствие представителя верховной власти как для осуществления надзора за деятельностью местной администрации и умонастроениями народных масс, так и контролем над процессом сбора

² См. подробную характеристику источника [1].

³ Особое место принадлежало шихне Багдада, который был одновременно и наместником столицы Багдадского халифата, и своего рода резидентом султана при халифе [8, с. 133].

налогов и податей. При этом отмечен случай, когда лицо получало титул шихне лишь для того, чтобы иметь некоторые доходы, но реально не исполняло своих функций. Речь идет таштдаре сельджукского султана Мелик-шаха Ануш-Тегине Гарчаи (ум.1097 г.) [6, с. 10]. Не во всех случаях шихне назначался центральной властью. Провинциальных шихне, каждый на своем уровне, определяли вали и раис [12, с. 37, 41, 53; 26, s. 94]. В связи с тем, что часть налогов с Джувейна шла в доход сестры султана Санджара, должность шихне была утверждена и пожалована диваном этой хатун [12, с. 89].

Главной обязанностью шихне было обеспечение порядка и безопасности на подведомственной территории. Он занимался поимкой и наказанием различных преступников, в том числе бунтовщиков, мятежников и их пособников [12, с. 89]. Для этого он мог направлять своих надзирателей (рукаба) в ту местность, которая являлась источником бунта и разбоя [9, с. 88]. По мнению Х. фон Хорста, под шихне также следует понимать и главу полицейского ведомства (Polizeipräfekten) [26, s. 94]. Шихне и его подручные взимали штрафы за нарушение закона, наказывали за преступления [4, с. 99]. Сельджуки в XI–XII вв. могли передавать шихне управление полукочевыми и кочевыми племенами. Здесь у шихне появляются полномочия по выделению пастбищ и водопоев, а также недопущению насилия и жестокости кочевников по отношению друг другу [4, с. 89; 12, с. 116; 26, s. 96].

Шихне должен был оберегать податное население не только «от злого умысла и убийства [со стороны] проезжих чиновников, воинов и путников» [12, с. 89], но и со стороны местной, а также собственной администрации [12, с. 90] – диван-и шихнеги, которым непосредственно руководил заместитель (наиб) шихне. Кроме него шихне помогали в выполнении его функций различные слуги (наввабы). Для поддержания установившихся порядков и выполнения карательных функций под началом шихне могли находиться воинские подразделения и кочевые ополчения [4, с. 89], что также позволяло им принимать участие в военных действиях султана [11, с. 127]. Шихне для обеспечения своих нужд взимал с местного населения специальные налоги [4, с. 99; 12, с. 70]. Туркменские племена платили ему налоги за пастбище (رسوم مراعی) [27, s. 96].

В своей деятельности шихне поддерживал тесную связь с местной администрацией, а именно, с вали, наибом провинциального дивана (диван-и вилайет), а также с кадием [12, с. 71] и в целом с местной элитой. В некоторых случаях шихне мог наделяться полномочиями наиба правителя вилайета [4, с. 89; 9, с. 89; 26, s. 95]. В своей судебной деятельности он руководствовался религиозным правом и указаниями кади, а также консультировался с правоведами и теологами. Кроме того, шихне исполнял приговоры суда кази (mağlis-i hukm) [26, s. 95]. С целью своевременного и надлежащего (в смысле соответствия установленным нормам) сбора налогов с подведомственного населения шихне поддерживал деятельность соответствующих налоговых служб (диван-и амал) [12, с. 66] и занимался доставкой собранных податей в центр [11, с. 132, 136; 12, с. 90; 26, s. 95–96].

Должность шихне со всеми охарактеризованными функциями была представлена и в государстве Хорезмшахов. Здесь он со своими отрядами также осуществлял полицейские и карательные функции, вмешивался во все дела, представлявшие опасность для властей, и устанавливал надзор за теми, кто

мог настраивать население против существующего режима. Как и в государстве Сельджуков на эту должность назначались тюркские военачальники – эмиры [6, с. 58–59].

Таким образом, институт шихне, призванный соблюдать политические и экономические интересы верховного правителя, имел широкое распространение и большое значение как блюстителя общественного порядка в странах Ближнего и Среднего Востока. В силу своей необходимости он сохранился и в монгольский период. Неслучайно в трактате «Дастур ал-катиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани среди должностей монгольской военной и гражданской администрации фигурируют и эти чиновники.

Собственно, три ярлыка о назначении на должность шихне из этого источника уже привлекали внимание исследователей. Еще в XIX в. В.Г. Тизенгаузен подготовил свой вариант перевода всех трех образцов⁴, однако, как и переводы других документов из этого источника, он имеет черновой характер, содержит многочисленные исправления, перечеркивания и т.п. и потому совершенно не пригоден для опубликования. Английский вариант перевода этих документов (также с несколькими другими ярлыками из «Дастур ал-катиб») несколько лет назад был издан китайской исследовательницей М. Ли [28, р. 212–214], однако, как представляется, он является, скорее, переложением (пересказом) основных положений ярлыков, нежели аутентичным переводом. В частности, автор весьма вольно «переводит» термины, обозначающие чиновные должности, произвольно заменяя их английскими эквивалентами, не отражающими специфики аппарата управления XIII–XIV вв.

Таким образом, приведенные ниже переводы являются первой попыткой введения соответствующих документов в русскоязычный научный оборот. Первые два образца ярлыка о назначении шихне переводятся с персидского оригинала. Что касается третьего документа, то мы сочли целесообразным включить сюда и немецкий вариант перевода этого документа (в свою очередь, переведя его на русский язык), осуществленный Й. фон Хаммер-Пургшталем, который, как мы уже неоднократно отмечали ранее, стал первым переводчиком документов из «Дастур ал-катиб» на европейский язык. Кроме того, данный перевод интересен и с историографической точки зрения, поскольку, как будет показано ниже, содержит некоторые ошибки, которые необходимо принимать во внимание при работе с трудом австрийского востоковеда, до сих пор остающимся востребованным для исследователей.

Перевод документов

Раздел пятый. О препоручении должности шихне

Вид первый⁵

Сейидам, кадиям, хакимам, мутасаррифам, битикчиям, всем жителям Ахара⁶ да будет ведомо. Поскольку Алибек из сообщества вельмож эпохи

⁴ Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед.хр. 14–16. Л. 225 об. – 226 об.

⁵ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

⁶ Ахар – город на реке Ахарчай в Восточном Азербайджане, на северо-западе современного Ирана.

отмечен и известен правдивостью и справедливостью, его похвальный образ жизни и достохвальные деяния заслуживают одобрения и вызывают [к нему] доверие, а тот вилайет нуждается в шихне, который мог бы противостоять (букв. «мог бы держать ответ») эмирам, влиятельным лицам [и служилым] путникам, то начиная с этой даты должность тамошнего шихне и баскака препоручается ему с тем, чтобы он доискивался до сути дел, подведомственных суду яргу, и решал их по справедливости и Ясе (ياساق). Пусть не вмешивается в разбор шариатских дел, подлежащих суду мусульманских кадиев, и не допускает вмешательства [кадиев] в исполнение обязанностей шихне и [отправление правосудия в суде] яргу.

По этой причине настоящий указ вступает в силу. Пусть [начиная] с [этой] даты его почитают шихне и баскаком того вилайета. Пусть исправляет обязанности шихне во всех делах, связанных с производимыми там расследованиями и установлением истины. По всем тем делам пусть обращаются к нему. Пусть не нарушают его постановлений, вынесенных на основании закона справедливости и Ясы (ياساق). Пусть [тяжущиеся] уплачивают ему установленную пошлину за рассмотрение им дел, дабы он мог тратить [эти средства] на свои потребности, удовлетворение которых необходимо для отправления этой важной должности. Ему [же] надлежит остерегаться злоупотреблений, предвзятости и мздоимства. Пусть не творит насилий и избегает пристрастности. Пусть действует так, чтобы люди были благодарны за его добрые дела, и он удостоился от них восхваления [13, с. 35–37 араб. паг.].

Вид второй⁷

Поскольку Шейх-Турсун является мужем пожилым и опытным, осведомленным о плохом и хорошем, избегающим предвзятости, насилия и не ступающим на путь злоупотреблений, ему вверяется должность шихне такого-то вилайета с тем, чтобы он доискивался до сути дел, подведомственных суду яргу, и прилагал усилия к решению их по закону справедливости и Ясы (ياساق), не обвинял невиновного, не шел на поводу у доносчиков и шпионов, никого не подозревал и не привлекал к суду яргу на основании слов заинтересованных лиц и назначал наказание, сообразное степени содеянного.

По этой причине настоящий указ вступает в силу с [этой] даты. Кадии, хакиды и жители такого-то вилайета пусть почитают его уполномоченным [Великого] Дивана и своим шихне. В делах, подведомственных [суду] яргу, пусть обращаются к нему. [Пусть] повинуются его решениям, которые соответствуют закону справедливости и беспристрастности. Пусть выплачивают ему установленную пошлину за исправление должности шихне. Он же пусть удовлетворяется этой суммой и не требует большего [13, с. 37–38 араб. паг.].

⁷ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя [26, s. 468–470] ⁸	Перевод с оригинала [13, с. 38–39 араб. паг.] ⁹
У. Грамота [ярлык] управителю (шихне)¹⁰ или государственному наместнику (третий [образец]) Сейиды, судьи, военачальники, предводители, знать, магнаты и начальники жаловались на нарушения и беззакония со стороны управлявшего ими наместника, сообщили о его злой жадности и постыдных требованиях, превосходивших всякую меру, и просили справедливого наместника. Так как эта их жалоба подтвердилось показаниями знатных и известных людей, то прежний наместник был низложен, и с этого времени наместничество было передано Хаджи-Эльяссу, чтобы он мог расследовать число беззаконий прежнего управителя и всё, что было отнято им незаконно, вернуть [прежним] владельцам; и дабы он, когда будут возникать тяжущиеся стороны, решал их дела в соответствии с положениями Ясы (законами по охране общественного порядка) и по законам справедливости. По этой причине и вступает в силу настоящий указ, согласно которому, с этого дня он признается наместником этой земли и правовые вопросы будут поручены ему; дабы его приказы соблюдались в соответствии с законами справедливости и Ясой, а плата за наместничество выплачивалась и его слугам. Он должен собирать расписки (Mudschilka) во всех областях и округах, и не быть причиной никаких жалоб от подданных из-за чрезвычайных сборов и натуральных оброков, вне установленных порядком; наместники не должны взимать больше, чем сумма имущества и налогов, учтенная в Диване на их имя, ибо если они сделают иначе, то они будут во грехе; поэтому во всем он должен делать то, чего требуют религия, быть проникательным, рассудительным и деятельным, дабы жители этого мира осознали, что они таким образом укрепятся, если на то	Вид третий Ныне сейиды, кадии, садры, знатные и известные [жители] Сельмаса¹¹ подали жалобу на притеснения и бесчинства, совершаемые поставленным над ними шихне, и [на то, что] его невиданная алчность и непотребные запросы неподъемны и нестерпимы для них. Упомянув об этом, они попросили [назначить им] справедливого [и] благонравного шихне. Поскольку их жалоба подтвердилась, и сообщество знатных и известных также подтвердило эти показания, прежний шихне смещается и с этой даты должность тамошнего шихне вверяется Хаджи-Ильяссу с тем, чтобы он провел расследование бесчинств и притеснений, совершенных прежним шихне и все, что он незаконно отобрал у кого бы то ни было, было возвращено тем, кто владеет этим по праву¹². После сего, когда перед ним предстанут тяжущиеся, пусть рассматривает дела по закону Ясы (ياساق) и решает их по правде и справедливости. По этой причине настоящий указ вступает в силу. Пусть [начиная] с [этой] даты его почитают шихне того вилайета и обращаются к нему по делам, подведомственным [суду] яргу. [Пусть] исполняют его решения, которые соответствуют¹³ закону справедливости и ясы (ياساق). Пусть уплачивают его нукерам намест-

⁸ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁹ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

¹⁰ Примечание Й. фон Хаммер-Пургшталя: «Слово Schihnet, Schahnet или Schohnet (встречается написание со всеми тремя этими гласными) очень точно переведено Голиусом как «сатрап» или «претор», что означает военного государственного наместника, которому подчиняются все остальные территориальные органы власти».

¹¹ Сельмас – город в Западном Азербайджане, на северо-западе современного Ирана.

¹² Возможный перевод: «и распределено среди нуждающихся».

¹³ Т.е. «должны соответствовать».

будет воля Божия. Поэтому указ этой грамоты вступает в силу с началом 59-го года (1358), все эмиры улусов, туменов, слуги двора (Inakan), члены Великого Дивана, столпы государства, помощники величества, эмиры тысяч и сотен, баскаки, владельцы имений (Muluk), военачальники, сейиды, шейхи, судьи, наибы, управляющие (Motessarifan), земельные писцы (Bitekdschian), правители, вельможи, магнаты, благородные, знаменитые и в целом все жители [Богом] хранимых земель – арабы, персы, турки, дейлемиты, монголы, таджики, луры, халаджи, туркмены и другие степные кочевники должны признавать его как господина, величайшего товарища (Ssahib), султана везирей, совершенство народа и религии, чье могущество будет возрастать, как везиря Нашего Величества, и во всех случаях, которые относятся к делам земель, к заботе о провинциях, обращения с подданными, защиты от нарушителей, искоренения насильников, распределению казны, увеличения доходов и сборов, обращаться к нему и его людям; они должны признавать его правильное суждение и его твердое мнение в управлении делами страны, в управлении государством и народом, его толкование основных законов религии и двора как верное руководство и канон, которому необходимо следовать, и никто не должен ни на волосок отступать от его слова и мнения во всех вопросах, касающихся общего блага; члены Великого Дивана, судьи, владельцы имений, военачальники, баскаки, управляющие, секретари (Kjatib), земельные писцы (Bitekdschi) [Богом] хранимых земель должны знать, что их назначение и смещение возложено на него и зависит от его решений; по законам о печатях уполномоченные как суда, так и учреждений Дивана не должны утаивать от него ни одного вопроса полностью или частично, им следует составлять ему полное представление обо всех отраслях финансов, об увеличениях и приростах, притоках и излишках и не должны ничего от него скрывать; эмиры улусов должны появляться каждую неделю в один из дней в Великий Диван и с его согласия и изволения главного судьи государства (Kadhiol-Kodhat), изучать состояние земель, вникать в дела просителей и тех, кто находится в беде, и, согласно положению закона, приводить их к решению, основанному на справедливости и правосудии, давать за это назначенную плату, и если он, в

ническую пошлину (رسم شحنگی). Он же должен не идти на поводу у злоумышленников, доносчиков и прежних шпионов и не прислушиваться к их словам, извлекая урок из деяний и поступков прежнего шихне. Пусть не привлекает к суду яргу кого бы то ни было из сообщества тамошних знатных и известных жителей – обладателей непорочной репутации и невиновности – на основании их [доносчиков] наговоров¹⁴, не создает им неудобств и не чинит им насилий. Пусть действует таким образом, чтобы разошлась слава о его добропорядочности и чрезвычайной справедливости и непредвзятости, и он удостоился "[людской] хвалы [так, чтобы к нему] приходили из окрестностей [за разрешением тяжб] и [ему] доверяли. Писано в ...

¹⁴ Букв. «свидетельств».

целях содействия закону, вынесет об этом заявление в грамотах (Berat) с золотой печатью Дивана, управляющие землями должны без промедления исполнять это, а сборщики налогов должны доставлять ему суммы по приказам. Написано по величайшему повелению и проникновенному ознаменованию, и пусть Его всепроникающее могущество длится вечно!	
--	--

Дипломатический комментарий. Вполне оправданным с научной точки зрения будет сравнение структуры наших образцов с документами, представленными в упомянутом выше сборнике инша «Атабат ал-катаба», главы диван ар-раса’ил (диван ал-инша’) султана Санджара (1118–1153) Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни. Проведенный анализ свидетельствует о том, что формуляры сравниваемых документов демонстрируют некоторое сходство, что в первую очередь определяется объективными факторами документообразования. Как известно, условный и абстрактный формуляры, состоят из различных компонентов протокола, основной части и эсхатокола. Наличие тех или иных компонентов определяются специфическими условиями издания документа, что выражается в конкретном и индивидуальном формуляре.

Первый вид, приводимый Мухаммедом б.Хиндушахом начинается традиционной для чингизидских актовых материалов инскрипцией (адресатом), которая определяет круг должностных лиц, обязанных принять указ к исполнению. Формула-оповещения «да будет ведомо» (بدانند کی) связывает протокол с корпусом документа, который в индивидуальном формуляре первого образца начинается союзом چون («поскольку»), так происходит переход к наррации («фикра-и хикая»), где указывается имя назначаемого лица (عليك), а также его личные и профессиональные качества. Вслед за наррацией идет диспозитивная часть корпуса документа («фикра-и хукмия»), где говорится о назначении указанного лица на должность, характеризуются его обязанности, определяются источники его доходов, дается предписание должностным лицам (адхортация). На этом представленный образец завершается.

Во втором и третьем видах автор ограничивается характеристикой наррации (или повествованием по Г.М. Курпалидису) и диспозиции (распоряжением и постановлением). При этом в третьем образце представлен один из элементов эсхатокола «писано в» (کتب في). Как известно, конечный протокол документов чингизидских канцелярий, должен был содержать указание даты и места выдачи. Следует отметить, что во втором виде автор разместил должностных лиц, которые должны были принять ярлык к исполнению, в диспозитивной части (адхортация), что в целом свойственно для делопроизводственной практики, представленной в «Дастур ал-катиб» и «Атабат ал-катаба». Другие компоненты условного формуляра остались вне характеристики автора «Дастур ал-катиб», в особенности начальный и конечный протоколы, которые, как правило, не зависели от содержания документа [21, s. 211]. Абстрактный и индивидуальный формуляр разбираемых образцов ярлыков, как видно, включает в основном лишь корпус документа, с главными присущими ей компонентами (наррация и диспозиция), характерными как для персидской, так и чингизидской дипломатики.

Г.М. Курпалидис, всесторонне изучавший «Атабат ал-катаба», выделяет следующие компоненты в структуре условного формуляра документов, пред-

ставленных в этом сборнике: адресант, предисловие, адресат, приветствие, повествование, распоряжение (призыв), постановление и заключение [9, с. 132–136]. В то время как западные исследователи выделяют схожую, но несколько отличную, в том числе в терминологическом плане структуру [см., напр.: 21]. Если говорить об образцах указов, связанных с назначением на должность шихне, в данном сборнике, то здесь мы наблюдаем не только более полную структуру формуляра, но и значительно более пространные формулировки его основных компонентов. Например, в «Атабат ал-катаба» большинство образцов начинаются пространной аренгой (предисловие по Г.М. Курпалидису), в которой, как правило, приводились моральные и религиозные мотивы принятия документа [20, р. 309]. Особенно ярко это проявляется в указе (маншуре) о назначении на должность правителя и шихне Балха [12, с. 104]. В «Дастур ал-катиб» аренда не представлена ни в одном из образцов. Не в последнюю очередь это может объясняться полномочиями шихне эпохи Чингизидов, которые были связаны с осуществлением правоохраны на основе норм Ясы. Поэтому присутствие здесь выражений, характеризующих основы исламской культуры, было не совсем уместно. Это обстоятельство также характеризует одно из отличий сравниваемых документов в содержательном плане. И далее в такой же пространной форме характеризуются остальные компоненты формуляра (наррация, диспозиция, также приводится краткая аппрекация). В распоряжении и постановлении указов также, как и в «Дастур ал-катиб» характеризуются основные обязанности обладателя должности, говорится о необходимости сотрудничества с местной знатью, в том числе с кадием, предписывается оберегать местное население от проезжих чиновников и путников, контролировать представителей собственной администрации, указываются источники доходов для исполнения должности шихне и даются предостережения назначаемому лицу и т.д. Следует отметить, что вне зависимости от смены династии в Иране, структура корпуса документа, в отличие от начального и конечного протоколов, а также средств аутентификации, не претерпевала особых изменений [24, s. 18].

Сравнительный анализ формуляров, приведенных в двух различных сборниках документов, написанных на персидском языке, но на разных этапах развития делопроизводства в Иране, демонстрируют некоторую общность структуры документа, определявшуюся как объективными факторами развития делопроизводства, так и общностью культурной и языковой принадлежности. Главное отличие в формуляре можно видеть в наличии ярко выраженной инскрипции в первом образце из «Дастур ал-катиб», где представлен характерный для чингизидской канцелярии адресат. Другой важной особенностью, является лаконичность, сжатость приводимых в образцах из «Дастур ал-катиб» компонентов формуляра, что может объясняться не только предназначением этого сборника, но и особенностями чингизидского делопроизводства. Таким образом, в приводимых Нахчивани образцах мы прослеживаем некий синтез традиционной персо-мусульманской и чингизидской канцелярской практики, что вполне укладывается в политические реалии рассматриваемой эпохи.

Следует отметить, что в перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя вкралась серьезная ошибка: более половины документа (со слов «Он должен собирать расписки во всех областях и округах» до конца документа) являются переводом заключительной части третьего вида указа о назначении везира [13,

с. 89–92 араб. паг.]. Примечательно, что в первом и третьем видах указов о назначении везира, приведенных в «Дастур ал-катиб», специально оговорена обязанность шихне не взыскивать для себя с подведомственного населения ничего сверх пошлины на содержание шихне в установленном Диваном размере, причем везир должен был истребовать расписку в принятии на себя этого обязательства со всех назначаемых им шихне [13, с. 77, 89 араб. паг.] (во втором образце указа такую расписку великому везиру предписывалось брать с назначаемых им должностных лиц в «вилайетах и провинциях» (ولایات و بلوکات و) государства [13, с. 84 араб. паг.]). Формулировку о «назначении» везиром шихне, очевидно, следует понимать в том смысле, что шихне, хотя формально и относились к «военной ветви» власти¹⁵, назначались ильханом по представлению везира. В этой связи заслуживает внимания утверждение Э. Мерчиля о том, что обычно назначение и смещение шихне в государстве Великих Сельджукидов осуществлялось правителем или везиром [29, s. 292]. Можно предположить, что в монгольский период везир сохранял свое влияние на назначение шихне по традиции. Трудно, однако, сказать, был ли таким порядок назначения шихне в Монгольской империи и монгольском Иране изначально, или эта процедура претерпела изменения ко времени правления династии Джалаиридов (в третьем образце указа о назначении везира говорится о вступлении его в силу в «пятьдесят девятом ханском году» [13, с. 89 араб. паг.], приходившемся на 1359–1360 г. н.э. [см. подробнее: 1, с. 776]). Также трудно сказать, был ли таким же порядок назначения шихне в других улусах Монгольской империи.

Историко-правовой комментарий. Приступая к анализу правового статуса шихне, сразу стоит обратить внимание на адресат публикуемых ярлыков: среди них мы не видим высокопоставленных сановников государства – речь идет лишь о представителях регионального управления. Этот факт свидетельствует о том, что шихне осуществляли свои полномочия именно на региональном или даже местном уровне, не вступая в прямое взаимодействие с центральными властями. Отметим, что в двух первых образцах речь идет о назначении на должность шихне «вилайета», т.е. административно-территориальной единицы, области, тогда как в третьем документе – о даруге конкретного города Сельмаса. Это позволяет провести параллель с упоминаемыми в переводах золотоордынских ярлыков русской церкви «волостными, городскими, сельскими» даругами [5, с. 67; 22, р. 239–241].

В документах из «Дастур ал-катиб» мы не находим информации, кому именно напрямую подчинялся шихне – за исключением упоминания во втором образце, что он является «уполномоченным [Великого] Дивана». Полагая, что можем экстраполировать на эпоху монгольского Ирана информацию о подчиненности этих чиновников, содержащуюся в «Атабат ал-катаба» наместникам провинций и уже через них – везирам [см.: 17, с. 68]¹⁶. Вместе с тем, отметим, что шихне назначается на должность именным ярлыком ильхана, хотя вряд ли на основании лишь этого факта можно делать выводы о его

¹⁵ Об административной структуре монгольского Ирана периода правления Джалаиридов см. [1, с. 774].

¹⁶ Позволим себе высказать предварительную гипотезу, что в ильханский период шихне мог быть подотчетен эмиру ульке (округа), либо наibu, перевод и анализ ярлыков о назначении которых из «Дастур ал-катиб» также входит в ближайшие планы авторов статьи.

статусе и значении. Исследование других ярлыков из «Дастур ал-катиб» дает нам возможность убедиться, что нередко именем ильхана производились и назначения на сравнительно невысокие административные должности.

Традиционно для ярлыков монгольского Ирана о назначении на должности рассматриваемые указы содержат обоснование причин, по которым выбор пал именно на данных кандидатов. Так, фигурант первого ярлыка, Алибек, «известен правдивостью и справедливостью» и ведет «похвальный образ жизни», а также успел обратить на себя внимание «достохвальными деяниями», которые проявил, вероятно, на предыдущей своей должности. Любопытно, что в число достоинств его коллеги Шейх-Турсуна входит не только опыт и осведомленность «о плохом и хорошем», достойный образ жизни (без «предвзятости, насилия и... злоупотреблений»), но и то, что он «является мужем пожилым». До сих пор подобных указаний на возраст в качестве дополнительного обстоятельства в пользу претендента на должность нам в ярлыках из «Дастур ал-катиб» не встречалось. Чиновник Хаджи-Ильяс, назначаемый шихне в соответствии с третьим образцом ярлыка, не характеризуется напрямую, но из начала документа следует, что жители населенного пункта Сельмас (впрочем, далее также характеризуемого как «вилайет») просили назначить им «справедливого [и] благонравного шихне», следовательно, именно этим требованиям отвечает указанный кандидат.

Перечень должностных полномочий и обязанностей шихне четко указывается в каждом из документов, хотя определенные различия между ними, безусловно, присутствуют. При этом основной его функцией, как ни странно, выступает судебная: ему предписывается разбирать дела на основании Великой Ясы Чингиз-хана. Как хорошо известно, судебные разбирательства в соответствии с имперским законодательством (включая Ясу, предписания ханских ярлыков и пр.) осуществляли совсем другие чиновники – яргучи (дзаргучи) [2]. Однако, как мы выяснили, последние не являлись отдельной судебной инстанцией, поскольку выполняли судебские обязанности, так сказать, по совместительству, являясь, как правило, высокопоставленными сановниками или военачальниками. Совсем другое дело – шихне, который специально назначался на пост, в значительной степени связанный именно с отправлением правосудия.

Кроме того, анализ должностных обязанностей шихне в анализируемых ярлыках позволяет сделать вывод, что его функции не ограничивались непосредственно разбирательством дел в суде. По сути, он осуществлял весь комплекс правоохранной деятельности, начиная с выявления правонарушений и заканчивая наказанием преступников и возвратом собственникам незаконно присвоенного¹⁷. Так, в первом ярлыке прямо говорится о «производимых... расследованиях» и «установлении истины» шихне Алибеком. Шейх-Турсуну также предписывается «доискиваться до сути дел», что, несомненно, подразумевает проведение им не только судебных, но и следственных действий (именно в рамках этой стадии процесса он должен был взаимодействовать с

¹⁷ В этом отношении весьма показательным сообщением Вассафа об одном из эпизодов похода хана Узбека на хулагуидский Иран в 1319 г. Несколько его воинов ограбили некий «скит», и в ответ на жалобу местного духовенства ханом «на это дело был назначен (особый) шихне», который провел расследование, выявил виновных и обнаружил похищенное, рассмотрел дело и вынес судебное решение о возврате всего награбленного владельцам и о наложении штрафа на виновных [16, с. 87–88].

упоминаемыми в ярлыках «доносчиками и шпионами»). А Хаджи-Ильясу в третьем образце ярлыка приказывается провести конкретное расследование – установить виновность его предшественника на посту шихне, выявить, что было им присвоено и вернуть законным владельцам. При этом подчеркивается, что он также должен решать дела «по правде и справедливости», т.е. ограничиваться формальными предписаниями закона, но и руководствоваться собственным внутренним убеждением. Неслучайно в число требований к кандидатам на должность шихне входили правдивость, справедливость, безупречная репутация и пр.

Более того, упоминание в первом ярлыке необходимость шихне «противостоять эмирам, влиятельным лицам [и служилым] путникам»¹⁸, а в третьем – наместнической пошлыны, позволяет характеризовать шихне именно как главу администрации соответствующего территориального образования – вилайета или населенного пункта, каковым, собственно, он в первую очередь и являлся. Это соответствует и статусу шихне, нашедшему отражение в указах сельджукских султанов, касающихся этой должности: в них шихне осуществляют общее административное управление, поручая судебные разбирательства кади (по делам, предусмотренным шариатом) и райсу (по делам из налоговой сферы) [12, с. 109]. Таким образом, перед нами вырисовывается образ наместника верховного правителя страны в том или ином регионе, основной обязанностью которого было поддержание законности и правопорядка в интересах монарха, обеспечивать лояльность к нему со стороны подданных всеми средствами, которые были позволены ему указом о назначении на должность. Это подтверждается также и тем, что в каждом указе содержится наказ шихне исполнять свои обязанности так, чтобы население было им довольно. Поскольку наместник назначался на должность ханским указом, он своими действиями олицетворял в глазах жителей политику самого государя, поэтому важно было сформировать у населения конкретного региона положительный образ власти в государстве¹⁹.

Учитывая, что большинство функций шихне было связано с обеспечением правопорядка и борьбой с преступностью, неудивительно, что эта должность не рассматривалась в качестве гражданской. Назначать на эту позицию следовало лиц, которые имели военный опыт, т.е. из числа эмиров-военачальников, которые, к тому же, должны были ориентироваться в Великой Ясе и имперском праве в целом [ср.: 11, с. 129–131; 15, с. 200]²⁰. Поэтому вполне объяснимо, что, хотя сам институт до некоторой степени был заимствован из более ранней мусульманской практики, эта должность включена в часть («зарб») «Дастур ал-катиб» под названием «О поручении постов и должностей монгольским эмирам, их помощникам и слугам» [13, с. 3 араб. паг.].

¹⁸ Это положение заставляет вновь вернуться к причинам возникновения института шихне в эпоху Великих Сельджуков, которые видели в этих чиновниках как раз противовес крупной местной землевладельческой знати.

¹⁹ Уже Низам ал-Мулк в «Сиясет-наме» подчеркивал, что шихне должен обеспечивать довольство народа, «чтобы избавиться от мучений и пыток в загробной жизни» [18, с. 34].

²⁰ В некоторых случаях на должности шихне могли назначаться и малики – представители местных правящих династий, которые, естественно, становились наместниками не в собственных владениях [19, с. 105] Эта практика также имела место и при Сельджуках [7, с. 93–94].

В связи с этим нельзя не отметить четко проводимое разграничение судебной компетенции шихне на основе Великой Ясы (т.е. имперского права) и кадия на основе предписаний шариата. Так, в первом ярлыке содержится вполне однозначное предписание: «Пусть не вмешивается в разбор шариатских дел, подлежащих суду мусульманских кадиев, и не допускает вмешательства [кадиев] в исполнение обязанностей шихне и [отправление правосудия в суде] яргу»²¹. В других двух ярлыках аналогичного четко сформулированного положения мы не находим, однако и в них подчеркивается, что шихне должен разбирать «дела, подведомственные [суду] яргу», «рассматривать дела по закону Ясы» и т.д. Соответственно, неслучайно среди адресатов ярлыков о назначении шихне присутствуют представители мусульманского духовенства, также обладавшие судебными полномочиями – «сейиды, кадии, хакиды»: ведь им тоже не позволялось нарушать компетенцию суда яргу, находившегося под контролем шихне.

Широкие полномочия шихне давали ему возможности значительного контроля над регионом, его чиновниками и населением. В связи с этим в ярлыках присутствует предупреждение наместнику о недопустимости злоупотребления своими властными prerogative²². Так, Алибеку в первом ярлыке предписывается: «Ему [же] надлежит остерегаться злоупотреблений, предвзятости и мздоимства. Пусть не творит насилий и избегает пристрастности». Шейх-Турсуну также приказывается, чтобы он «не обвинял невиновного, не шел на поводу у доносчиков и шпионов, никого не подозревал и не привлекал к суду яргу на основании слов заинтересованных лиц и назначал наказание, сообразное степени содеянного». В указаниях Хаджи-Ильяссу также содержится сходное положение: «Он же должен не идти на поводу у злоумышленников, доносчиков и прежних шпионов и не прислушиваться к их словам, извлекая урок из деяний и поступков прежнего шихне. Пусть не привлекает к суду яргу кого бы то ни было из сообщества тамошних знатных и известных жителей – обладателей непорочной репутации и невиновности – на основании их наговоров, не создает им неудобств и не чинит им насилий».

Характерно, что конкретных наказаний за нарушение этих предписаний для шихне не предусмотрено – как, впрочем, и в подавляющем большинстве ярлыков из «Дастур ал-катиб» о назначении на должности, проанализированных нами ранее. Ответственность этого чиновника за противоправные действия выводится из содержания первого ярлыка: ведь вновь назначенному шихне Хаджи-Ильяссу следует расследовать дело предшественника и предать его суду «по закону Ясы». Таким образом, вполне очевидно, что за должностные преступления шихне подлежали суду на основе имперского законодательства, а наказание определяли уже непосредственно судьи в зависимости от степени тяжести допущенных им злоупотреблений.

Отдельным пунктом среди возможных должностных правонарушений шихне указано «мздоимство». В связи с этим следует обратиться к вопросу о том, за счет чего должны были существовать обладатели этой должности. Из текста ярлыков очевидно, что шихне существовал за счет местного населе-

²¹ В ярлыке о назначении верховного кадия вилайета из «Дастур ал-катиб» ему так же предписывается не позволять шихне (как и другим светским чиновникам) вмешиваться в дела шариата [19, с. 104].

²² Подобные преступления были характерны для шихне и в сельджукский период [см., напр.: 17, с. 158].

ния²³, которое осуществляло в его пользу две формы платежей. Во-первых, жители области или населенного пункта выплачивала самому шихне и его нукерам (которые, видимо, выполняли оперативные функции по охране правопорядка и являлись приставами-исполнителями в судебных разбирательствах) систематическое вознаграждение, которое в ярлыках фигурирует как «пошлина за исправление должности шихне» («ресм-и шихнеги»), либо как вышеупомянутая «наместническая пошлина». Во-вторых, за каждое судебное разбирательство в пользу шихне (и, опять же, его подчиненных) шла «установленная пошлина за рассмотрение им дел». Размеры соответствующих пошлин официально фиксировались, что не позволяло наместнику произвольно изменять ее сумму²⁴. Фиксация осуществлялась диваном, «уполномоченным» которого, как мы помним, являлся шихне [19, с. 108]²⁵.

Ряд исследователей полагает, что шихне могли получать доходы с передававшимся им икта [см. подробнее: 11, с. 126], однако в исследованных документах мы не находим указаний на это. Возможно, эти авторы экстраполируют на шихне эпохи монгольского правления в Иране элементы правового статуса аналогичного института в сельджукский период [см.: 11, с. 16]. Возможно, икта могло принадлежать обладателям должности шихне не как чиновникам, а как военачальникам (темникам, тысячникам) для обеспечения содержания их и их воинских подразделений и при этом никак не было связанным с назначением на должность наместника.

Завершая исследование, мы намерены обратить внимание на то обстоятельство, которое, собственно, и позволило нам сосредоточиться на изучении ярлыков о назначении шихне в процессе исследования проблемы соотношения институтов даруги и баскака. Как видим, в первом образце прямо сообщается, что Алибек назначается на должность «шихне и баскака»²⁶. Принимая во внимание вышеупомянутое отождествление должности шихне и даруги, мы получаем неопровержимое доказательство того, что, соответственно, даруга и баскак также являлись одной и той же должностью.

Также весьма любопытно, что ни в одном ярлыке (в т.ч. и в первом, где шихне прямо отождествляется с баскаком) не упоминается, что этот чиновник в той или иной степени отвечал за сбор налогов – это опровергает мнение авторов, которые склонны видеть в баскаках сборщиков налогов в отличие от даруг-администраторов. Однако более подробно мы намерены развить этот довод в продолжении данной статьи, которое будет посвящено анализу сведений о баскаках и даругах в источниках и сравнению их с институтом шихне. Более подробно эти будут рассмотрены в продолжении настоящей статьи.

²³ Что полностью соответствовало и практике обеспечения шихне при Великих Сельджуках [12, с. 69].

²⁴ Любопытно, что в сельджукский период шихне, по-видимому, имел право вводить в свою пользу специальные сборы с подчиненного ему населения – «русум-и шихнеги» [12, с. 113].

²⁵ По мнению Э.Мирзоевой, шихне получал жалование из казны дивана, но – за счет сборов с подвластных ему территорий [11, с. 137–138].

²⁶ Такое «парное» название одной и той же должности на разных языках в данном случае не является уникальным – например, то же самое мы видим в ярлыке о назначении дорожного чиновника туткаула, должность которого, в ярлыке указана также и с персидским аналогом «рахдар» [3, с. 622].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 EDN: DAFJXN
2. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 84–95. DOI: 10.17223/19988613/90/9
3. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Платные дороги» в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 16. 2024. С. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029
4. Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад: Ылым, 1973. 164 с.
5. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. 112 с.
6. Бунятов З.М. Избранные сочинения в трех томах. Т. III. Баку: Элм, 1999. 376с.
7. Гусейн-заде Р.А. Кавказ и сельджуки. Баку: Кавказ, 2010. 272 с.
8. Гусейнов Р.А. Султан и халиф (из истории сюзеренитета и вассалитета на Ближнем Востоке XI–XII вв.) // Палестинский сборник. Вып. 19 (82). 1969. Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке (древность и средневековье). С. 127–138.
9. Курпалидис Г.М. Государство Великих Сельджукидов: официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М.: Наука, 1992. 144 с.
10. Курпалидис Г.М. О языке и структуре сельджукских официальных грамот «Атабат ал-Катаба» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 128–136.
11. Мирзоева Э. Городское управление Азербайджана (XI–XIII века). Баку: Ин-т истории им. А. Бакиханова, 2002. 155 с.
12. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба) / Пер. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985. 160 с.
13. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
14. Петрушевский И.П. Городская знать в государстве хулагуидов // Советское востоковедение. Вып. V. 1948. С. 85–110.
15. Пириев В.З. О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 197–203.
16. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
17. Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М.: Наука, 1990. 248 с.
18. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Пер., введ. и прим. Б.Н. Заходера. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 380 с.
19. Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.

20. Busse H. Diplomatique. Perse // *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. II. Leiden: Brill, 1991. P. 301–313.
21. Busse H. Persische Diplomatie im Überblick: Ergebnisse und Probleme // *Der Islam*. T. 37. 1961. S. 202–245 (In German).
22. Cleaves F.W. Daruga and Gerege // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 16. 1953 No. 1/2. P. 237–259.
23. Farquhar D. M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
24. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 s., 242 Tfn.
25. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p.
26. Horst H. von. Die Staatsverwaltung der Grosselghūqen und Hōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 s.
27. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. 614 p.
28. Li M. Translation of the appointment documents of Mongolian officers in Dastur al-Katib fi Ta'yin al-Maratib // *Eurasian Studies*. Vol. 3. 2015. P. 207–243.
29. Merçil E. Şahne // *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi*. Cilt 38. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 2010. S. 292–293.

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Dastur al-katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (by the example of yarlighs on the appointment of emirs of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798 (In Russian)
2. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. On the status of judges in the Mongol Empire and its uluses in 13th–14th cc. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya=Tomsk State University Journal of History*. No. 90, pp. 84–95. DOI: 10.17223/19988613/90/9 (In Russian)
3. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. “Toll roads” in the Chinggisid states of 13th–14th cc. In: *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. Iss. 16, 2024, pp. 620–630. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.67.55.029 (In Russian)
4. Agadzhanov S.G. Seljukids and Turkmenistan in the 11th–12th cc. Ashgabat: Ylym, 1973. 164 p. (In Russian)
5. Berezin I. Essay on the internal system of the Jochi Ulus. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1863. 112 p. (In Russian)
6. Bunyatov Z.M. Selected works in three volumes. Vol 3. Baku: Elm, 1999. 376 p. (In Russian)
7. Guseyn-zade R.A. Caucasus and Seljuqs. Baku: Kavkaz, 2010. 272 p. (In Russian)
8. Guseynov R.A. Sultan and caliph (on history of suzerainty and vassalage at the Near East of 11th–12th cc. In: *Palestinian Collection*, 19(82), 1969, pp. 127–138. (In Russian)
9. Kurpalidis G.M. The Great Seljuqs state: official documents on the administrative system and social economical relations. Moscow: Nauka, 1992. 144 p. (In Russian)

10. Kurpalidis G.M. On the language and structure of Seljuq official edicts “Atabat al-Kataba”. In: Oriental historical source study and special historical disciplines. Iss. 1. Moscow: Nauka, 1989, pp. 128–136. (In Russian)
11. Mirzoeva E. Urban administration of the Azerbaijan of 11th–12th centuries. Baku: Institut istorii im. A. Bakikhanova, 2002. 155 p. (In Russian)
12. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. A Scribe's Guide to Determining Degrees. Vol. 2. crit. texts, intr. and index by A.A. Alizade. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Persian)
13. Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. Stages of improvement of katibs. Transl. from Persian by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1965. 160 p. (In Russian)
14. Petrushevskiy I.P. City nobility in the state of Ikhans. *Soviet oriental studies*. 1948, Iss. 5, pp. 85–110. (In Russian)
15. Piriev V.Z. On some issues of state structure under the Hulaguids and Jalairids. In: Soviet Oriental Studies: problems and prospects. Moscow: Nauka, 1988, pp. 197–203. (In Russian)
16. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 2. Extracts from Persian works. Collected by V.G. Tiesenhausen; ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
17. Semenova L.A. From the history of medieval Syria. Seljuq period. Moscow: Nauka, 1990. 248 p. (In Russian)
18. Siaset-name. Book on the rule by Nizam al-Mulk, the vizier of the 11th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 380 p. (In Russian)
19. Khatibi S. Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th–14th cc.. Ashgabad: Ylym, 1985. 134 p. (In Russian)
20. Busse H. Diplomatie. Perse. In: Encyclopedie de l'Islam. Vol. 2. Leiden: Brill, 1991, pp. 301–313.
21. Busse H. Persische Diplomatie im Überblick: Ergebnisse und Probleme. *DerIslam*. 1961, vol. 37, pp. 202–245. (In German)
22. Cleaves F.W. Daruga and Gerege. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953, 16, 1/2, pp. 237–259.
23. Farquhar D.M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
24. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 p., 242 tables. (In German)
25. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p. (In German)
26. Horst H. von Die Staatsverwaltung der Grosselgūqen und Hōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 p. (in German)
27. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven; London, 2017. 614 p.
28. Li M. Translation of the appointment documents of Mongolian officers in Dastur al-Katib fi Ta'yin al-Maratib. *Eurasian Studies*, 2015, vol. 3, pp. 207–243.
29. Merçil E. Şahne. *TürkiyeDiyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi*. Vol. 38. İstanbul: Türkiye Diyanet Vakfı, 2010, pp. 292–293. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильяс Альфредович Мустакимов – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана Казанского (Приволжского) федерального университета (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Российская Федерация); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (194100, ул. Кантемировская, 3А, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Chief Researcher, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan of the Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation); Associate Professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University – St. Petersburg (3A, Kantemirovskaya Str., St. Petersburg 194100, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 26.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted 25.08.2025